

Сергей Абашин

«В ЛАБИРИНТАХ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»: ТРУДЫ Б.Х. КАРМЫШЕВОЙ КАК НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Была ли советская этнография служанкой государства или, наоборот, его жертвой? Выполняли ли советские этнографы те задания, которые им спускались сверху или же они проводили свои исследования, исходя из собственных интересов, иногда вопреки официальному заказу? Должны ли мы в конце концов отбросить труды советской этнографии как идеологизированное знание или можно многое взять из этого знания в сегодняшний день? Ответы на эти вопросы требуют, видимо, специальных историографических исследований и нового внимательного перечитывания советских этнографических текстов.

Чтобы понимать тексты, написанные в советское время, необходимо иметь в виду, что у советской этнографии сложился ряд формальных особенностей, которые воспроизводились во многих исследованиях в качестве образца. Во-первых, это, конечно, отсылки к марксизму, в частности особое внимание к экономической детерминации всех социальных процессов, классовым отношениям и формационным этапам развития. Марксизм при этом не понимался всегда одинаково, эта методология в ее советском издании постоянно корректировалась и уточнялась, иногда принимая более жесткие формы, а иногда более дискуссионные¹. Во-вторых, это особое

внимание к проблематике этнической истории и этногенеза, так как считалось, что этнография связана с «национальной политикой» и «межнациональными отношениями». Причем понятийный аппарат изучения этногенеза менялся от концепций Н.Я. Марра о постоянном смешении народов до теории Ю.В. Бромлея о преемственности этносов². В результате в позднесоветское время сложилась на практике смесь из марровских и бромлеевских понятий и идей, которые имели статус полуофициального учения, обязательного для формальной отсылки и использования. В-третьих, в понятийном языке и практике советской этнографии важное место занимало эволюционистское понятие «пережитка», подчеркивающее, что этнографы, будучи историками, занимаются преимущественно реконструкцией прошлого через собирание материалов в настоящем³. Попытки перенаправить взгляд этнографов на современность удавались лишь

Knowledge in Imperial Russia and the USSR / Roland Cvetkovski and Alexis Hofmeister (eds.). Budapest–New York: Central European University Press, 2014. P. 121–144.

² О развитии российской и советской этнографии, основных ее идейных этапах см.: Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008.

³ Подробный разбор идеи «пережитков» в советской этнографии см.: DeWeese D. Survival Strategies: Reflections on the Notion of Religious ‘Survivals’ in Soviet Ethnographic Studies of Muslim Religious Life in Central Asia // *Exploring the Edge of Empire: Soviet Era Anthropology in the Caucasus and Central Asia* / Florian Mühlfried and Sergey Sokolovskiy (eds). Münster: Lit Verlag, 2011. P. 35–58; Алымов С. Понятие «пережиток» и советские социальные науки в 1950–1960-е гг. // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 261–287.

¹ О том, как марксизм влиял на советскую этнографию, см.: Gellner E. *State and Society in Soviet Thought*. Oxford: Basil Blackwell, 1988; Alymov S. *Ethnography, Marxism and Soviet Ideology* // *An Empire of Others: Creating Ethnographic*

частично, а многие из них продолжали заниматься историческими реконструкциями, причем основной точкой внимания был рубеж XIX–XX столетий, доступный для устной истории и безопасный в смысле идеологических претензий.

Перечисленные особенности структурировали и полевые практики сбора данных, и практики написания и рецензирования текстов, создавая общую дисциплинарную рамку, внутрицеховой теоретический язык и опознавательные знаки этнографичности. Сегодня все эти элементы нередко выглядят и критикуются как догматические, но в свое время благодаря им можно было отстаивать дисциплинарную самостоятельность, иерархию и границы, а также, как ни странно, скрываться от слишком пристального внимания идеологической цензуры. К этому нужно добавить, что отношение к тем или иным дисциплинарным обязательствам со стороны отдельных ученых могло быть как достаточно внимательным, с попытками внести изменения и уточнения, для того чтобы учесть новые вопросы и темы, а могло быть формальным, своеобразным прикрытием для самых разнообразных этнографических интересов.

Соотношение идеологического контроля, дисциплинарной лояльности и индивидуальных предпочтений определяло в каждом конкретном случае и конкретном контексте смысловую нагрузку и ценность той или иной академической работы. Степень вовлеченности этнографов в теоретические дебаты была очень разной, и все прекрасно понимали, где отвлеченные споры о понятиях, а где сбор эмпирического материала, который мог говорить порой сам за себя без каких-либо дополнительных разъяснений. К тому же некоторая изолированность небольшого советского этнографического сообщества,

где все друг друга знали, позволяли добавлять к письменным текстам постоянную устную, формальную и неформальную, дискуссию, с помощью которой уточнялись и корректировались скрытые смыслы и намерения.

Конечно, чтение советских текстов спустя много лет представляет трудности. Уже сложно восстановить весь внутрицеховой контекст дебатов, особенно в устной их части. Не всегда легко считывать эзопов язык, спрятанный за идеологическими клише. Однако попытки такого прочтения необходимы. Они нужны как для сохранения дисциплинарной преемственности и идентичности, так и для включения переработанного и иногда переосмысленного советского гуманитарного знания в новые академические и политические условия¹.

В данной статье я предлагаю свой опыт чтения некоторых работ известного советского этнографа, специалиста по Средней Азии Балкис Халиловны Кармышевой. В сфере ее интересов были разные темы, но, пожалуй, основной была проблема этногенеза и этнической истории народов региона, о чем она думала и писала на протяжении всей своей академической карьеры. Я попытаюсь в виде небольшого эссе суммировать основные вопросы, выводы, открытия и способы говорения, которые, на мой взгляд, содержатся в трудах Б.Х. Камышевой. Своей задачей я вижу рассказ о научном творчестве одной из важных фигур в советских исследованиях Средней Азии

¹ Интересно было бы, например, сопоставить опыт советской школы изучения этнических идентификаций в Средней Азии и новых работ по этой теме. См., например: Аббасин С. Рецензия на: P. Finke. Variations on Uzbek Identity: Strategic Choices, Cognitive Schemas and Political Constraints in Identification Processes. New York and Oxford: Berghahn, 2014 // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 177–181.

и одновременно анализ наследия советской этнографии в этой области знания.

Локайцы. Первым серьезным большим исследованием Б.Х. Кармышевой была работа «Узбеки-локайцы Южного Таджикистана», изданная в Сталинабаде (Душанбе) в 1954 г.¹

Как писала сама исследовательница в предисловии к своей книге, задача изучения локайцев, особой группы узбеков, живущих на территории Южного Таджикистана, была ей поставлена в 1945 г. Этот выбор, сделанный в такое тяжелое время для страны – в год окончания большой войны, был продиктован, скорее всего, не какими-то теоретическими соображениями, а сугубо практической логикой. Именно локайцы составляли основную силу антисоветского движения в Восточной Бухаре (на территории будущего Таджикистана) в начале 1920-х гг., и их лидер Ибрагимбек, который со своими отрядами бежал в Афганистан и оттуда продолжал сопротивление, был арестован и расстрелян только в 1931 г. Советские чиновники имели очень поверхностную, скорее всего полную предубеждений, картину об этой группе местных жителей, беспокоились о сохранении ее лояльности и думали о том, как полнее интегрировать локайцев в таджикостанское общество. Очевидно, что интерес этнографов проистекал из этой практической необходимости составления полноценного научного портрета локайцев как отдельной группы, с описанием хозяйства, культуры и социальных отношений.

Этот социальный заказ, в который уже была вписана идеология и ожидаемый результат, особенно заметен в заключительной части изданной

книги, написанной как будто бы специально для контролирующего взгляда. Чеканные формулы, которые уже не несли никакого авторского смысла, легитимировали статус работы: «...в атмосфере дружбы народов, воспитанной в трудящихся массах великой Коммунистической партией, узбеки-локайцы чувствуют себя равноправным членом дружной семьи различных национальностей, населяющих Таджикистан, и с большим энтузиазмом и трудолюбием участвуют в общем деле построения коммунизма в СССР»². При этом содержание самого исследования существовало отдельно от этих выводов, не противоречило им, но и не было их доказательством. Текст словно находился в двух разных измерениях – в идеологическом и собственно академическом.

Чтение текста показывает, что главным интересом Б.Х. Кармышевой было выяснение истории происхождения локайцев. На тот момент единого мнения на этот счет не существовало: в одних публикациях утверждалось, что они являются одним из узбекско-даштикипчакских племен, которые мигрировали в Среднюю Азию с севера в XVI в., в других – что они относятся к более ранним переселенцам, то ли эпохи завоевания Чингисхана в XIII в., то ли даже самых ранних периодов проникновения тюрков в регион в первой половине I тыс. н.э. Способом решения этого спорного вопроса стала реконструкция всего родо-племенного состава локайцев, выявление основных названий его подразделений и сопоставление их с названиями других тюркских народов. Исследовательница исходила из того факта, что родо-племенные структуры могут быстро распадаться и потом легко объединяться

¹ Кармышев Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Вып. 1. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период. Сталинабад, 1954.

² Кармышев Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Вып. 1. С. 149.

в новых комбинациях, включая в свой состав новые компоненты, поэтому, прослеживая схожие названия родов, можно восстановить их прежнюю принадлежность. Проведя такой анализ, Б.Х. Кармышева выявила наибольшее число совпадений с казахами, особенно Среднего джуза, а также частично с киргизами и татарами Южной Сибири, но не обнаружила существенных совпадений ни с ранними тюрками, ни с даштикипчакскими узбекскими племенами.

Найденное решение было простым по своей логике и вполне аргументированным. Оно объясняло все особенности культуры и самосознания локайцев. Изначально они стояли особняком от ранних тюрков и даштикипчакских узбеков, были близки скорее к казахам, но, переместившись на юг (это могло произойти в XVII–XVIII вв., как Б.Х. Кармышева написала позднее, в другой книге¹), в собственно Среднюю Азию, вступили в более тесные отношения с переселившимися сюда ранее, в XVI в., племенами кочевых узбеков и стали их частью. Возникшие здесь же после переселения тесные взаимоотношения с ранними тюрками и даже с местными таджиками дополнили специфику локайской культуры. При этом для Б.Х. Кармышевой не стоял вопрос об узбекскости локайцев, узбеки были «конгломератом тюрко-монгольских племен и родов» – последние часто объединялись в новые конфигурации, и из них потом возникали различные тюркские народы, поэтому локайцы, чьи предки когда-то были близки казахам, вполне органично вошли в состав узбеков.

Значительное место в книге занимал рассказ об истории локайцев в XIX и начале XX в., когда

¹ Кармышев Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976. С. 235.

они играли важную военно-политическую роль в регионе. Благодаря этому за ними закрепился воинственный образ, который в свою очередь выделял их из других тюркоязычных племен и способствовал сохранению у них отдельного самосознания. «Привыкнув считать себя в этой стране победителями или потомками победителей, будучи обычно в привилегированном положении благодаря своим связям с правящими феодальными кругами... локайская кочевая знать, – подчеркивала этнограф, – не стремилась завязывать культурно-экономические отношения с соседями»². Эта часть книги была насыщена марксистским языком, включающим отсылки к феодализму и классовому неравенству. Сложно сказать, действительно ли Б.Х. Кармышева пыталась найти причину длительной устойчивости локайской самоидентификации в анализе социальных и политических реалий или же это была дань идеологизированному заказу, когда нужно было объяснить, почему локайцы оказались вовлечены в антисоветское движение, что было невозможно без отсылок к марксизму. В своих последующих работах, написанных в менее политически строгую эпоху, исследовательница реже использовала классовый анализ и формационные определения, при этом ее труды все же не вступали в противоречие с официальной марксистской риторикой, но и не диктовались последней.

Восточная Бухара. В следующей книге, которая была опубликована в Москве спустя 22 года, в 1976 г., и называлась «Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана», Б.Х. Кармышева перешла на более высокую ступеньку обобщения своих пред-

² Кармышев Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Вып. 1. С. 43.

ставлений об этногенезе и этнической истории народов Средней Азии. В фокусе внимания были теперь не только Таджикистан и не одна группа, а большая историко-этнографическая область, известная как Восточная Бухара, и все ее население. Задачей был заявлен анализ «формирования этнического состава» районов, которые долгое время считались малоизученной среднеазиатской периферией. Хотя исследовательница называла свою цель «скромной», имея в виду относительную ограниченность изучаемой территории, но в действительности область являлась, по ее же словам, «местом стыка больших массивов таджикского и узбекского народов, местом стыка двух культур – оседлой земледельческой и кочевой скотоводческой». Таким образом, на примере Восточной Бухары можно рассмотреть «многовековой процесс взаимовлияния и взаимопроникновения». Иными словами, одна историко-этнографическая область стала фактически моделью всей Средней Азии, и сделанные выводы относились ко всему ее населению.

При чтении этой книги бросаются в глаза некоторые нестыковки структуры, за которой проглядывают проблемы с классификацией местных племен и народов. Первая глава книги была посвящена общей классификации народов Восточной Бухары, их расселению и численности на момент рубежа XIX–XX вв. В этой части этническая классификация отражала каноническое уже для советского времени национальное разделение среднеазиатских народов. Она включала в себя таджиков, узбеков и «другие народы», такие как арабы, ирани, цыгане, афганцы, индийцы, а также русские, туркмены, казахи, киргизы и евреи. Таджики в свою очередь были поделены на жителей «историко-культурных областей» (кулябцы, каратегинцы и др.) и «районов мень-

шего размера» (варзобцы и др.), жителей городов и крупных населенных пунктов (байсунцы и др.), а также «этнографические группы генетического типа» (чагатаи, хардури, плюс ходжи и сейиды). Чагатаев Б.Х. Кармышева предпочла рассмотреть именно в разделе о таджиках, хотя многие из них, по ее же словам, были двуязычными или говорили преимущественно на узбекском языке. Узбеки были поделены на три слоя: население без родо-племенного деления (те же чагатаи, ходжа, каршинцы), ранние племена (тюрки, кальтатаи, карлуки, барласы и др.) и поздние племена (даштикипчакские узбекские племена, такие как кунгратаы, юзы/джубы, локайцы, катаганы, дурмены и др.). Б.Х. Кармышева отметила, что в узком значении слово «узбек» употреблялось в Восточной Бухаре только в отношении последней, третьей группы, вторых чаще называли тюрками, первую же группу обычно было принято в литературе называть сартами, но в Восточной Бухаре их называли чагатаями или даже таджиками, что объясняло, почему последние более подробно рассматриваются в разделе о таджиках. Несмотря на такое различие (само наименований, исследовательница тут же уточнила, что нет сомнений, что они все принадлежали в указанный период, т.е. на рубеже XIX–XX столетий, «к единой узбекской народности»¹.

Во второй главе реконструировалась «история формирования населения» Восточной Бухары. Причем здесь вдруг структура текста и классификация народов приобрела другой характер. В отдельную группу были выделены «таджики и узбеки – чагатай и ходжа», потом уже были описаны отдельно таджики, узбеки и другие народы. Появление отдельного раздела о чагатаях

¹ Кармышев Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. С. 67.

было явной попыткой решить двусмысленность структуры/классификации первой главы, в которой чагатаи были названы частью узбекской народности, при этом их описание было помещено в раздел о таджиках¹. Строгое следование советской национальной классификации не позволяло корректно описать эту особую группу, и она оказывалась то среди узбеков, то среди таджиков. Вторая глава радикально решила эту дилемму, выделив чагатаев и ходжей как самостоятельную группу/раздел и нарушив, таким образом, советскую каноническую схему. И хотя деление чагатаев на узбеков и таджиков (или узбекоязычных и таджикоязычных) сохранилось в названии раздела, но оно было сделано уже внутри группы, т.е. язык перестал быть главным основанием для определения самой этой группы как единого целого.

Не делая специальных теоретических экскурсов в теорию этничности, Б.Х. Кармышева, по сути дела, своей этнографической конкретикой создавала свое понимание этнической проблематики. Она уделяла особое внимание идентификации местного населения, считая его более важным, как я полагаю, чем языковой признак, который был ключевым в советском понимании нации. Термин (исследовательница использовала понятия «термин» и «название», а не «идентичность») «чагатай», по ее мнению, охватывал сначала привилегированное тюрко-монгольское окружение правителя-Чингисида Чагатайхана, потом всех тюрков Мавераннахра, т.е. междуречья рек Амударья и Сырдарья, или практически всей Средней Азии, а потом уже он стал (само)

¹ Схожие проблемы с национальным определением были у ходжей. Подробнее об этой группе см.: Абдуллин С. Потомки святых в современной Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2001. № 4. С. 62–83.

названием определенной группы оседлых «тюрков и таджиков»². Последние две группы активно смешивались друг с другом на протяжении длительного периода: таджики усваивали узбекский (тюркский) язык, а тюрки, оседая, – таджикский. Причем, как отмечает Б.Х. Кармышева, такое взаимное смешение усилилось после прихода даштикипчакских узбеков, которые вытеснили тюрков из кочевьев и вынудили их оседать в оазисах и предгорьях, где жило ираноязычное население. При этом еще на рубеже XIX–XX вв. в Восточной Бухаре бытовало активное двуязычие, а выбор предпочтительного языка в том или ином районе и местечке диктовался демографическим соотношением разных групп населения.

Стоит также заметить, что Б.Х. Кармышева указала на сходство термина «чагатай» с терминами «сарт» и «тат», которые не были известны в Восточной Бухаре и употреблялись в северных областях Средней Азии³. Здесь же она писала, что и термин «таджик» тоже нередко употреблялся в этом регионе относительно оседлого населения без родо-племенного деления, независимо от языка⁴. Последнее замечание, правда, запутывает читателя, поскольку исследовательница сама предпочитала называть местный иранский язык таджикским, используя одновременно каноническое советское определение, которое, видимо, опасалась нарушить из-за возможных упреков и недовольств.

² Кармышев Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. С. 125.

³ О сартах подробнее см.: Абдуллин С. Проблема сартов в русской историографии XIX – первой четверти XX в. // Абдуллин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб., 2007. Гл. 4. С.95–176.

⁴ Кармышев Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. С. 141–142.

В раздел об узбеках Б.Х. Кармышева поместила рассказ о ранних тюрках, которые, в отличие от чагатаев, не оседали, а сохраняли кочевой и полукочевой образ жизни долгое время, вплоть до начала XX в., имели отдельное «этническое самосознание и самоназвание», а «окружающее население рассматривало каждую из этих групп как самостоятельную этническую единицу»¹. Некоторые из ранних тюрков, такие как тагчи, смешались с таджиками, а потом примкнули к даштикипчакским узбекам-катаганам, сохранив или восстановив тюркский язык и кочевой (горный) образ жизни. Этих ранних кочевых тюрков, следуя опять же канонической истории, исследовательница назвала «ядром узбекском народности».

Интересным было наблюдение Б.Х. Кармышевой по поводу того, что поздние узбекские племена включали в себя не только переселенцев XVI в., известных как даштикипчакские узбеки, но группы казахов и каракалпаков, которые мигрировали в Восточную Бухару позднее, уже в XVII–XVIII вв., и присоединились к даштикипчакским узбекам. Такими более поздними переселенцами были кунграты, локайцы и катаганы. Сами же даштикипчакские узбеки не столько оседали и растворялись среди оседлого населения, как это было в центральных областях Средней Азии, сколько сохраняли свой образ жизни и включали в себя новые группы, в том числе отдельные группы оседлого населения, «что еще больше осложняло и без того сложный и пестрый родо-племенной состав узбеков»².

¹ Кармышев Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. С. 258.

² Там же. С. 211.

Итак, узбеки и таджики, как следует из содержания книги, в прошлом отличались «чрезвычайным разнообразием и сложностью этнического состава», смешанностью и дробностью. Родо-племенное деление позволяло включать новые элементы в родовой состав, что было особым типом этнической консолидации, племена распадались и воссоздавались в новых комбинациях с включением новых групп, некоторая часть из них при этом теряла родо-племенные названия/идентичности и сливалась с оседлым населением. Оседлое население тоже было дробным и включало множество этнографических групп территориального и генетического типа, некоторые из них приравнивались к племенам при взимании налогов, несении трудовых повинностей и выставлении людей в войска и в других сферах общественной жизни. На постоянное смешение влияли миграции и оседание кочевников. Оттеснение даштикипчакскими узбеками ранних кочевых тюрков в горы и предгорья способствовало тому, что последние оседали среди таджиков и сливались с ними, при этом в одних случаях новые общности переходили на таджикский язык, в другом – на узбекский/тюркский. Причем даштикипчакские узбеки не утрачивали родо-племенные деления и сохранялись большими массивами отдельно от других групп местного населения. Констатируя эту сложность, Б.Х. Кармышева нисколько не ставила под сомнение общую логику этногенеза и этнической истории, которая неминуемо вела к объединению всех этих разных групп в узбекскую и таджикскую нации, завершившемуся в результате «активизации этнических процессов» под влиянием Российской империи и потом в составе СССР³.

³ Там же. С. 265.

Хотя Б.Х. Кармышева изучала преимущественно регион бывшей Восточной Бухары, ее интерес им не ограничивался. Она проводила исследования в средней части долины Зеравшана, в Нуратинских предгорьях, в Ферганской долине и среди каратегинских киргизов¹. Ее полевой этнографический опыт охватил значительную часть Средней Азии и позволял увидеть как общие процессы, так и специфику тех или иных территорий.

Я упомяну лишь одну работу. В очерке о долине Среднего Зеравшана, опубликованном в 1969 г., исследовательница обратила внимание на специфику формирования местного населения². В анализе она использовала ту же схему, что и по отношению к Восточной Бухаре, указав на то, что вместе «с преобладающим процессом отюречивания по языку местного ираноязычного населения частично происходил и переход тюркоязычного населения на таджикскую речь»³. Б.Х. Кармышева упомянула три волны переселения тюрков: ранние миграции, миграции в период монгольского нашествия и миграцию даштикипчакских узбеков, при этом каждый раз часть более поздних кочевников сохраняла свою самостоятельность на новом месте, часть смешивалась с группами из предыдущих волн, а часть смешивалась с местным оседлым населением, принимала их язык или передавала им свой язык.

¹ Кармышев □ Б.Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков // Советская этнография. 1960. № 1; Кармышев □ Б.Х., Пещеров □ Е.М. Этнографические материалы о таджиках Нуратинского хребта // Советская этнография. 1964. № 1; Кармышев □ Б.Х. Новые материалы по этнографии населения Нуратинского хребта // Полевые исследования Института этнографии. 1976. М., 1978; Он □ же. Каратегинские киргизы. М., 2009.

² Кармышев □ Б.Х. Население // Этнографические очерки узбекского сельского населения / Б.Х. Кармышева и Г.П. Васильева (ред.). М., 1969. С. 17–47.

³ Кармышев □ Б.Х. Этнографические очерки узбекского сельского населения. С. 17.

И хотя к 1917 г., по ее словам, «процесс консолидации узбекской нации не был завершен», перечисленные группы имели много общего и уже представляли собой некое сообщество⁴.

Спецификой Среднезеравшанской долины было то, что даштикипчакские узбеки являлись здесь преобладающей группой и ранние тюрки, за исключением барласов, слились с ними. Причем это произошло не столько в XVI в., сколько в XVIII и XIX вв., когда после нашествий, внутренних войн, хозяйственного запустения и разрушения ирригационных систем население долины сформировалось заново. В это же время сюда стали переселяться и оседать, помимо даштикипчакских узбеков, каракалпаки, туркмены, арабы, цыгане, кипчаки и юзы, афганцы, бухарцы, а также ирани из Мерва, таджики из Верхнего Зеравшана и Каратегина, тюрки из Хиссара и Ура-Тюбе. Все эти группы сохраняли внутреннюю замкнутость, и только в годы советской власти стало происходить «постепенное изживание обособленности родо-племенных групп внутри узбекского народа», а к 1960-м гг. «единое национальное самосознание и самоназвание» уже полностью господствовало⁵. «Процесс постепенного сближения и частичного слияния рассмотренных малочисленных национальных групп с преобладающим населением – узбеками – неизбежный и естественный, – писала Б.Х. Кармышева. – Протекает он безболезненно, без какого-либо вмешательства со стороны официальных учреждений»⁶.

Мавераннахр. В своих трудах Б.Х. Кармышева всегда сохраняла три элемента: советскую номенклатуру национальностей, указание на три

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 40–41.

⁶ Там же. С. 45.

волны или три группы тюрков, из которых образовался узбекский народ, и тезис о постоянных разнонаправленных миграциях и смешении тюрков и иранцев (узбеков и таджиков). Если первый и второй элементы были скорее обязательными формулами, которые должны были вписать работу в официальные и общепринятые рамки, то третий составлял суть исследовательского метода. Между первыми двумя и третьим элементами возникали некоторые нестыковки и противоречия, которые чаще всего Б.Х. Кармышева не пыталась как-то однозначно решить, а сохраняла их все одновременно в одном тексте, избегая, таким образом, прямых столкновений своего полевого материала с официальной точкой зрения.

Со временем труды Б.Х. Кармышевой перешли на следующий уровень обобщения, который охватывал уже всю Среднюю Азию. Опыт исследования отдельных историко-этнографических областей позволил сформулировать идею целостного подхода к изучению этнических процессов, взаимосвязи разных группы населения друг с другом, обусловленность этих взаимосвязей экономикой и ландшафтом.

В статье ««Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX – начале XX в.», опубликованной в 1980 г., Б.Х. Кармышева предложила свое общее видение закономерностей формирования населения всего региона¹. Интересно, что она использовала при этом термин «Мавераннахр» (арабскую версию слова «Междуречье») вместо «Средней Азии». Было ли это осознанной попыткой уйти от официальной советской географической и национальной номенклатуры или такая замена рассматривалась только как литера-

турный образ – не очень ясно. Но эффект, независимо от замысла, выглядел вполне концептуальным. В статье исследовательница обратила внимание на то, что «степь» находилась не только за пределами земледельческого ареала, к северу от Мавераннахра, но и внутри него – там оазисы перемежались степными и полупустынными пространствами с кочевым и полукочевым населением. Устойчивость кочевого образа жизни здесь определялась недостатком земли для оседания и потребностью в товарах скотоводческого производства. Экономический симбиоз двух экономик был важным, в свою очередь, для всей социальной жизни. Взаимодействие между двумя укладами представляло широкий репертуар отношений, включало в себя торговлю и обмен, аренду земли и скота, наем работников и «торговую дружбу», браки, совместные ритуалы-соствязания. Такой симбиоз, с одной стороны, стимулировал интеграционные, консолидационные и ассимиляционные процессы, с другой – обуславливал хозяйственную специализацию и культурные особенности разных групп².

Хозяйственный дуализм предопределял, по мнению исследовательницы, и двусторонний характер этнических процессов, постоянное смешение и размежевание. В среднеазиатском Междуречье все группы были расселены островками между численно преобладавшими даштикипчакскими узбеками, более мелкие группы кочевников «находились в той или иной стадии слияния с узбеками, которые выступали здесь в роли ассимилятора», но эта роль не была монопольной: в западной части региона ту же функцию выполняли туркмены, на севере – казахи, на востоке – киргизы и таджики. В тексте в качестве примера Б.Х. Кармышева показала исто-

¹ «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX – начале XX в. (по этнографическим данным) // Советская этнография. 1980. № 1. С. 46–55.

² Там же. С. 47.

рию расселения туркмен вверх по Амударье и по Зеравшану, отметив, что одни из них долго сохраняли самостоятельность, а другие – ассимилировались и превратились в одно из узбекских племен. Другим примером стали каракалпаки, которые после миграции в Самарканд и Ташкент были ассимилированы узбеками и казахами, в Фергане же, заняв нишу степных кочевников, они сохранили самостоятельность. Казахи тоже переселялись в Междуречье, но быстро там ассимилировались с даштикипчакскими узбеками. Киргизы в оазисах ассимилировались с узбеками и таджиками, а в горах, наоборот, сами ассимилировали тех и других. Упомянула Б.Х. Кармышева и сартов: «...нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, что сарты – это тюркизированные иранцы. Сарты сложились в результате взаимодействия тюркских и иранских групп, а не чьего-либо одностороннего влияния»¹. Все эти примеры должны были опровергнуть распространенную точку зрения об одной исторической линии этнических процессов – тюркизации кочевниками ираноязычного оседлого населения – и доказать наличие множества различных линий, которые образовывали «исключительно сложные этнокультурные процессы»².

В статье «Об этнических процессах у населения горной зоны Средней Азии в новое время», опубликованной в 1991 г., накануне распада СССР, Б.Х. Кармышева сосредоточилась на анализе взаимосвязи ландшафта, хозяйства и этнического самосознания³. В нарисованной картине вся Средняя Азия (термин «Мавераннахр» уже не

использовался) представляла собой «зону активных межэтнических контактов», которые происходили на границах хозяйственной трехчленной структуры: город – сельская округа – кочевая степь, между которыми существовало разделение труда и одновременно экономической симбиоз. Горные территории не нарушали эту структуру, так как в них тоже была своя кочевая степь и свои земледельческие округа, т.е. свои кочевые/полукочевые экономики и горное/предгорное земледелие. Очередная миграционная волна степных кочевников, повторяла Б.Х. Кармышева свой любимый тезис, вытесняла прежних кочевников в горы и горные ущелья, там последние становились горными кочевниками, часть из них возвращалась в степь и сливалась с победителями, часть сливалась с оседлыми жителями оазисов и часть – с оседлыми жителями горных долин. Зонально-хозяйственное распределение совпадало с этническим, хотя в каждой историко-этнографической области оно имело свою собственную классификацию. Например, в Ферганской долине высокогорье занимали киргизы и иногда таджики, средний ярус гор – киргизы, таджики, сарты и иногда тюрки, нижний ярус и предгорья – сарты, узбеки даштикипчакского происхождения, таджики, иногда тюрки и киргизы⁴. Казахи обычно не поднимались в горы, узбеки жили в среднем и нижнем ярусе, а высокогорье использовали для отгонного скотоводства, тюрки же, напротив, отгоняли скот в предгорья и степь, а жили на среднем и нижнем ярусе гор и в долинах горных рек рядом с таджиками, в результате сливаясь с ними. «Длительный процесс оседания кочевников и слияние их с оседлым населением, – повторяла Б.Х. Кармышева, – обычно

¹ «Кочевая степь» Мавераннахра и ее население в конце XIX – начале XX в. С. 54.

² Там же.

³ Кармышев Б.Х. Об этнических процессах у населения горной зоны Средней Азии в новое время // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 3. Этнография. М., 1991. С. 65–74.

⁴ Там же. С. 67.

протекал мирно и через стадию двуязычия привел к победе одного из контактирующих языков»¹.

В этих двух статьях Б.Х. Кармышева уже не упоминала советскую национальную классификацию и не ссыалась на три миграционные волны кочевников-тюрков. Это не означает, что она отказалась от этих схем и вступила с ними в критическую дискуссию. Скорее всего, по умолчанию, эти две базовые идеи, с помощью которых было принято описывать этногенез и этническую историю народов Средней Азии, она продолжала признавать как официальную позицию. Но исчезновение их из текстов, возможно, означало, что они фактически перестали быть необходимыми исследовательнице для анализа конкретного материала и больше не помогали объяснять богатый и разнообразный материал, собранный в поле. Во всяком случае, такую гипотезу я решусь предложить после своего перечитывания упомянутых текстов.

Заключение. В своих исследованиях Б.Х. Кармышева редко обращалась к советской истории XX столетия, а если делала это, то формализовала свой текст в соответствии с теми требованиями, которые считались обязательными. Нации узбеков и таджиков в советское время уже, безусловно, сложились, согласно официальной доктрине, все прочие идентичности исчезли или сохранились в виде «пережитков», прежние локальные и племенные группы в некоторых случаях лишь остались в виде постепенно исчезающих этнографических групп. Никто открыто не обсуждал и не ставил под сомнение такой вывод, когда речь шла о советской современности. Анализ этнического многообразия и культурной

сложности был возможен только для досоветских эпох. Это был принципиальный уход в прошлое, которое ограничивалось, самое позднее, началом XX в., периодом, как я уже отмечал, относительно идеологически безопасным и относительно свободным для исследований. Такую стратегию избирали многие советские этнографы, открывая для себя возможность заниматься наукой без пристального внешнего контроля.

Однако парадокс этнографического знания состоял в том, что, говоря об истории, этнографы использовали материал, собранный среди людей, живущих вместе с ними в одно время. Не случайно подзаголовком во многих работах Б.Х. Кармышевой было указание на «этнографические данные», что подразумевало именно собранные самим автором полевые материалы и опору на них в выводах. Иными словами, неизменно повторяя слова об утрате значения прежних – региональных и родо-племенных – идентичностей, этнографы, тем не менее, сами же фиксировали их в изучаемом, современном для них, обществе. Б.Х. Кармышева собирала детальные живые данные о том, как люди понимают такого рода идентичности и в 1940–1950-е, и в 1970–1980-е гг., хотя, казалось бы, успело смениться целое поколение и советские трансформации уже глубоко проникли в Среднюю Азию.

Это внутреннее противоречие ставит вопрос о том, в какой степени сегодня мы можем использовать собранные советскими этнографами материалы для понимания уже советского времени и общества. Должны ли мы следовать прямолинейно логике написанного в то время, не замечая того контекста, в котором ученым приходилось что-то умалчивать, что-то писать эзоповым языком? Или же, как раз учитывая специфику эпохи, мы можем увидеть в этнографических текстах,

¹ Кармышев Б.Х. Об этнических процессах у населения горной зоны Средней Азии в новое время. С. 68.

ВСПОМИНАЯ БАЛКИС КАРМЫШЕВУ

которые повествуют о «пережитках прошлого», свидетельства, которые позволяют реконструировать жизнь в той же Средней Азии в советский период? Наверное, любой однозначный ответ был бы в этом случае опрометчивым. Требуется кропотливая историографическая, и текстологическая в том числе, работа со всеми материалами, опубликованными и неопубликованными, которые оставили после себя классики советской

этнографии. Только тщательный анализ поможет более или менее основательно интерпретировать написанное ими. Сейчас мы можем сказать лишь, что, конечно, в советское время общество не было таким простым и однородным, каким оно представало часто в официальных описаниях, но из этого не следует, что оно было архаичным и неизменным и что официальная точка зрения не отражала какую-то часть реальности.

